

Григорий Померанц

Иерусалимский доклад

Мы в городе, где религии много раз становились знаменами войны. Я думаю, что этот город, святой для нескольких общин, обречен стать городом диалога религий. Но слово диалог может означать слишком много. Бубер, теоретик диалога, привел пример самого тонкого, самого глубокого значения слова. Однажды он заспорил с коллегой, христианином, кто лучше понимает Христа. Бубер считал Христа великим еврейским пророком. Христианин думал иначе. Спор зашел в тупик. Вдруг оппонент встал. Бубер тоже поднялся со своего кресла. Они посмотрели друг на друга и братски обнялись. В этот миг, – писал Бубер, – совершился диалог.

Попробую втиснуть этот пример в определение. Диалог – такой обмен мыслей, в котором дух целого витает над столкновениями реплик. И этот дух, охватывающий участников, подымает над логикой, зашедшей в тупик, над инерцией спора, и гасит полемический азарт.

Диалог религий мало что дает, если не признать положения, которое мы с Зинаидой Миркиной защищаем в своей книге «Великие религии мира»; признать, что глубина каждой религии ближе к глубине другой великой религии, чем к собственной поверхности. То есть на последней глубине все святые писания – только неловкий человеческий перевод несказанного Божьего слова. Противоречия писаний – это противоречия переводов. Подлинный толчок, полученный человеческим умом, несказуем и неделим. Но он делится в уме, на языках человеческого опыта, на санскрите, иврите, на пали и арабском. Поэтому буква мертвит, поэтому Томас Мертон, после разговора с Дайзэцу Субуки, писал, что, – при всем великом значении, которое имеет различие традиций, – есть нечто, связывающее католического монаха с дзэнским старцем в общину созерцателей, противостоящую «нашим соотечественникам, ведущим агрессивно несозерцательный образ жизни»

(это из предисловия к книге “Mystics and Zen masters”). Потом эта декларация созерцателей несколько раз повторялась. Я слышал, в 1996 г., в Швейцарии, как Далай Ламу спросили, в чем сущность ламаизма, и он ответил, что главное – любовь в сердце, а метафизические теории, буддистские и христианские – дело второстепенное. А в книге Рихарда Вурмбрандта «Христос спускается в тюремный ад» я прочел: «число наших конфессий можно было сократить до двух. Первой из них стала бы ненависть, которая использует обряды и догмы, чтобы нападать на других. Другая – Любовь, которая позволяет очень разным людям познать их единство и братство перед Богом».

Если в религии главенствует буква и нельзя ни на шаг отступить от буквы торы, от буквы Корана, то поле диалога сужено. Фундаменталисты здесь сходятся с людьми, начисто лишенными духовного опыта. Я убедился в этом на круглом столе в Горбачев–фонде, когда впервые сослался на слова Далай Ламы и впервые услышал упрек: это демагогия! Я тогда промолчал. Но через пару лет я держал в руках книгу The good Heart, т.е. протоколы заседаний семинара христианской медитации им. Джона Мейна, на которых Далай Лама комментировал избранные им фрагменты Евангелий, а затем его комментарии, в свою очередь обсуждались и комментировались. Но, может быть, не менее замечательным было молчание, с которого разговор начинался. Далай Лама зажигал свечу, все зажигали от нее свои свечи и полчаса проводили в созерцании единства, которое не вмещалось в слова.

Многие участники семинара говорили, что именно в молчании они постигли братство религий, к которому стремились. Протоколы семинара, состоявшегося в 1994 году, были опубликованы только в 1997 г., много времени ушло на разработку комментариев и словарей, где давались древние и современные понимания христианских и буддийских терминов, например, – что значит слово «ангел», «ад», «вечность» и т.п. Сами по себе эти словари – огромный шаг вперед в суперэкуменическом богословии, разработку

которого начал, несколько десятков лет тому назад, Раймонд Паниккар, некоторыми терминами которого я еще воспользуюсь. Но все же главным было молчание, в котором собиралось всё, рассыпанное в словах.

Далай Лама положил начало и обрядности межрелигиозного диалога. Он посетил святые места христианства (не как турист, а как паломник – это он подчеркнул) и молился у христианских святынь. А затем большая группа христианских священников и епископов посетили Индию и молились под деревом Бодхи.

Почему нельзя даже представить себе процессию раввинов, обходящих Каабу, и процессию шейхов ислама, молящихся у Стены плача? Отбросим фразу, мгновенно мелькнувшую в уме: этого не может быть, потому что не может быть никогда. Разумеется, не может быть; но все же почему? Это бесконечно сложная проблема. Начнем с того, что структура святынь, в каждой религии – своя. Для христианства и буддизма личность, от которой исходит писание, выше писания. Для иудаизма и ислама Моисей ниже Торы, Мохаммед ниже Корана. Моисей не писал скрижалей, он только принес их. Коран, по толкованию авторитетных богословов, предвечен, создан раньше неба и земли и только продиктован Мохаммеду.

Можно воспользоваться термином гомология, введенным Паниккаром, то есть аналогия места и иерархии святынь. К примеру, Богу авраамитических религий гомологичен в индуизме не дева, не ишвара, а Брахман. Ниришвара – не атеизм, а тончайший мистицизм, ищущий причастия вершине священного без всякого образа, без слова Бог.

Теперь возьмем пример поближе. «Сын Божий» звучит сильнее, чем «Просветленный»; но Будда, Просветленный – термин, господствующий среди небуддистов; сами буддисты чаще называют Гаутаму Шакья Муни «Татхагата» – то есть существо, вместившее в себя всю Татхату. А Татхата – термин, восходящий к древнейшей индийской традиции мистики: то, что невозможно определить, непостижимый дух. Отношение Татхаты к

Татхагате совершенно подобно, гомологично отношению Отца к Сыну; хотя никакой аналогии между Татхатой и Отцом нет, символика вершины священного в разных традициях разная, подобны только ступени иерархии.

Генетически, по происхождению, все авраамистические религии – одна семья; но гомологически подобны христианство и буддизм (личность выше текста), ислам подобен иудаизму (текст выше личности). Это усиливает позиции фундаментализма, противников диалога. Однако главная трудность на пути к диалогу с исламом не в этом. Суфии научились обходить метафизические препятствия, используя метафоры и притчи. По существу они создали рядом с Кораном, опираясь на мекканские суры и отбрасывая мединские, новое писание, Новый Завет. И в средние века именно суфии подходили к порогу диалога, не встречая ответа со стороны христиан. Порог, который сегодня трудно переступить – в политике. Ислам неотделим от политики. В средние века он занимал позицию силы, христиане или иудеи Ближнего Востока ему не угрожали, и мусульмане могли не думать о политическом ущербе. Сегодня они не могут о нем не думать.

Ислам – не учение о личном спасении. Правда, исторически христианство тоже к этому не сводится, и буддизм иногда впутывался в политику, но в глубине своей они аполитичны. Какая политика в четырех благородных истинах Будды или в словах Христа: ищите царствия небесного, а остальное приложится вам? Между тем, ислам с самого своего истока, с Корана, с его мединских сур, – учение о священном социально-политическом порядке. Мусульмане воевали друг с другом не из-за разных способов спасения. Главным был вопрос, как и кто будет наследовать престол халифов – потомки Али или любые другие достойные люди? Поэтому нельзя, начиная диалог с исламом, вынести за скобки политику: создание Израиля, проблему Иерусалима и судьбу беженцев. Диалог с исламом неизбежно принимает богословско-политический характер. Это заставляет нас оставить глубины, где горит вечно живой огонь любви, и

подняться в поверхностные слои опыта, где царит вражда и война. Как при этом не потерять контакта с глубиной? С высшим Разумом, который – перефразируя Хамдани – витает над частностями? Это не просто. Запутываясь в частностях, мы то и дело теряем чувство глубины, чувство единого организма, где палец связан с другим пальцем единым током крови и нет ничего совершенно отдельного, нет отдельных выгод, только общая. Грех, как сказал Антоний Блум, – это прежде всего потеря контакта с собственной глубиной. Разбираясь в изломах политики, мы все время скатываемся к греху. Избежать этого полностью выше человеческих сил. Постараемся, по крайней мере, не слишком сильно грешить и не терять любви к людям, которые не ведают, что творят, охваченные страхом и ненавистью.

С точки зрения арабов, само создание государства Израиль было оскорблением ислама и произвольным переносом проблемы, с которой не справилась Европа, на Ближний Восток. Можно возразить, что Еврейское агентство скупало земли с разрешения турецких, а потом английских властей, уплачивая полную цену владельцам. Но владели землей эффенди, жившие в городах, а обрабатывали землю арендаторы. Арендаторам по закону не полагалось ничего. Им давали немного денег на переезд (сверх стоимости земли); вероятно, надо было бы дать больше, но средства агентства не позволяли расширять благотворительность без предела. Арендаторы оказывались разоренными. Можно было бы им, по образцу многих стран, бороться за изменение системы землевладения, за аграрную реформу. Но эта возможность не была осознана. Арабские арендаторы нашли только один выход: истребить евреев и таким образом приостановить перемены.

Погромщиками двигал страх. Евреями также. Две волны погромов, в 1929 г. и 1936 г., заставили еврейских поселенцев создать систему обороны. Первоначальный план создания еврейского национального очага в общем

государстве всех палестинцев был отброшен. Победила идея раздела страны. ООН приняла план раздела между двумя общинами. Израиль этот план принял, соседние арабские государства отвергли. При этом население Палестины не было опрошено, им манипулировали по радио. Новый, альтернативный план раздела, более выгодный арабам, не был предложен. Регулярные армии четырех государств, игнорируя решение ООН, вторглись в Палестину – и были разбиты отрядами еврейских поселенцев. Военные действия несколько раз прерывались перемирием, возник эпизодический план графа Фольке–Бернадотта, комиссара ООН, более выгодный арабам, но война уже стала фактом и шла по своей собственной логике. Фольке–Бернадотт был убит группой израильских экстремистов. Этот печальный эпизод ничего не решил: арабские страны не хотели никакого раздела и не готовы были обсуждать какой бы то ни было проект. Война остановилась на очередном перемирии, без тех уступок, на которые Израиль пошел бы при заключении мира, в обмен на установление дипломатических отношений, как с Египтом в 1973 г.

Существует обычай, что страна, начавшая войну и потерпевшая поражение, признает свое поражение. Греки, вторгшиеся в 1922 г. в Малую Азию и разбитые наголову, вынуждены были согласиться на крайне невыгодные условия мира. Греческое население Анатолии, обитавшее там примерно 3000 лет, было выселено, как нежелательные иностранцы. После второй мировой войны, начатой Гитлером, миллионы немцев были выселены из земель к востоку от Одера. Прошло полвека, и проблема беженцев потеряла свою остроту.

Однако бывают и другие случаи, когда конфликт длится веками. Арабы вспоминают крестоносцев, взявших Иерусалим и не сумевших его удержать. Это верно, однако крестоносцы были только войском, они не укоренились в Палестине, не стали здесь новым народом. Вытесненное войско вернулось на родину. Кроме того, у крестоносцев не было атомной бомбы. А Израиль –

это народ, которому некуда эвакуироваться, и, прижатый к стене, он может спутать все расчеты. Нашелся ответ и на такой аргумент: террористы–самоубийцы, от которых не спасает ни атомная, ни водородная бомба. Террористы не могут уничтожить Израиль. Израиль не может уничтожить террористов...

Я читал книгу Фаваза Турки «Дневник палестинского изгнанника» и вжился в глубину отчаянья палестинцев. Я думаю, в нее можно вжиться, вспомнив миг, когда смерть вырвала из твоих рук бесконечно любимое существо. Тогда ничего не хочется, кроме смерти. Томит искушение покончить с собой на могиле... и можно понять воинов–самоубийц. Взрывая себя, они приносят жертву родине. Но победы здесь нет, здесь тупик. Шахиды не могут уничтожить Израиль. Израиль не может уничтожить шахидов.

Время лечит, сказал Рильке. Через какой–то срок после бесконечной и безвозвратной потери начинаешь воскресать. Я убежден, что для беженцев–немцев и беженцев–греков память о потерянной родине стала чем–то вроде моей памяти об Ире Муравьевой – бесконечно близкой тенью, провожающей меня в новой жизни и новой любви, и дети беженцев любят свою новую родину и не чувствуют себя бездомными. Сейчас уже многие говорят о необходимости расселить население лагерей беженцев по другим арабским странам, дать им возможность вернуться к нормальной жизни и, может быть, найти в ней новую любовь и новое счастье.

Это очень трудно, это будет вызывать отчаянное сопротивление; трудно расстаться с идеей, выношенной за полвека. Но идея возвращения к прошлому неосуществима. Уничтожить Израиль нельзя без моря крови – и, может быть, создав вместо цветущей страны выжженную и отравленную пустыню. Что там будут делать палестинцы?

Расставание с фантомом займет годы, может быть, – десятки лет. Очень трудно будет преодолеть сопротивление политических лицемеров,

привыкших использовать дешевую рабочую силу палестинцев, давая им вместо гражданских прав резолюции арабской лиги. И нужно лет 25, чтобы выросло новое поколение, привыкшее к новой родине. Но иного пути нет. Только очень нескоро можно будет серьезно взяться за проблему ничейного и всеобщего Иерусалима. Только через определенный срок после последнего террористического акта. И то – если волны безумия перестанут перекатываться по земле, разжигая старые конфликты. Мир на Ближнем Востоке – не решение шахматной задачи. Тут есть нити, уходящие очень далеко.

Ближневосточный узел – один из детонаторов мирового безумия. Но и обратно: нельзя потушить очаг террора на Ближнем Востоке, не борясь со вспышками глобального террора по всей планете. Глобальный террор стал политической реальностью. Ее не удалось предотвратить, и теперь с ней приходится считаться. Надо лечить весь организм, помнить о всех болевых точках – в Кашмире, в Чечне и десятках других, созревших и зреющих волдырях. Вокруг каждой болевой точки возникает поле напряжения, и все эти поля сливаются в одно глобальное поле, где набирает силы глобальный террор. Успехи в залечивании отдельной язвы иллюзорны, если болезнь повсюду. Иерусалим не станет городом мира, святыней диалога трех великих религий среди всеобщего безумия.

Диалог религий – только один аспект выхода из глобального кризиса. Выход этот недостижим без оздоровления всей западной цивилизации, распространившейся по земле – вместе со своими СМИ, с культом наслаждений, доходящих до радости насилия, вместе с наркотиками и СПИДом. В лечение входит известное ограничение западной свободы, вышедшей за свой оптимум. Каждая ценность, выйдя за оптимум своего расширения, становится разрушительной силой и взрывает целостность культуры. Сейчас на Западе свобода превращается в такую разрушительную

силу, и если Запад не сумеет сам себя ограничить, то он потеряет свою роль гегемона.

Инъекция марксизма в Китае уже сегодня дала неожиданные результаты. Роберт Белла, с которым я часто соглашаюсь, признал марксизм китайской формой вестернизации. Белла предположил также, что марксизм подготовит Китай к восприятию христианства. Я склонен несколько видоизменить эту гипотезу. Опыт прошлого показывает, что инъекция чужого приводит к сдвигу в традиционном диалоге Кун Фуцзы, Мэнцзы, Сюньцзы, Лаоцзы и Чжуанцзы; в это святое общество был принят и Будда; какое-то время он, казалось, шел к первенству, но в конце концов в центре снова оказался Конфуций, а импортированный буддизм занял свое скромное место. Сейчас снова, как две тысячи лет тому назад, нужен мощный духовный противовес бездуховности, и в общем потоке глобализации Китай незаметно впитывает – во всяком случае это можно предположить – некоторые авраамистические религиозные идеи. Но почему только христианские? Почему не возможен диалог авраамистических идей? Глобальному Китаю нужна будет глобальная религиозная ориентация, и он ее, быть может, создаст.

Картина, которую я рисую, относится к области фантастики. Но фантастичен только конкретный облик будущего. Утрата опережающего исторического развития западнохристианской цивилизации – почти совершившийся факт. Даже в ограниченном смысле научно-технического развития оно оспаривается и будет оспариваться. Кризисность западной истории легко может перейти в катастрофичность. Ислам, гегемон средних веков, отодвинутый в тень новым временем, сегодня пытается взять реванш, но поворот к посленовому может быть совершен только на основе усвоения нового, а не простым возвратом к средневековью. За фантомом всемирного халифата нет силы. Но внутренний кризис Запада остается кризисом.

Опережающее историческое развитие вполне может перейти к Дальнему Востоку.

Следующая большая эпоха будет эпохой внешних ограничений, продиктованных экологией; неизбежные лишения могут быть уравновешены только ростом внимания к внутреннему развитию. Тоталитарная диктатура – тупик, уже испробованный и отброшенный, диктатура хамов, разрушающая культуру, гибель человечества. Нужна золотая середина. Насколько я понимаю, традиции Китая и Японии близки к этой середине. Они веками сочетали духовную свободу, необходимую для жизни культуры, с жесткой социальной дисциплиной.

Нетрудно предвидеть общий рост авторитета индийско-тихоокеанского региона и западные заимствования восточной мудрости (они уже происходят в католической теологии). Вероятно и политическое возвышение Дальнего Востока, выход его на место, подобное нынешней позиции США. Однако анализ политических возможностей не входит в задачу моего доклада. Я остановлюсь только на одной перспективе: глубокое и общее знакомство с религиозностью двух древнейших цивилизаций земли, обошедшихся без религиозного фанатизма, увеличит шансы на понимание общей глубины трех авраамических религий. И хочется верить, что религиозный фанатизм, религия ненависти, использующая догмы и обряды для насилия, станет провинциальным уродством.

Дополнение – вставка для Иерусалима

С точки зрения арабов, само создание государства Израиль было оскорблением ислама и произвольным переносом проблемы, с которой не справилась Европа, на Ближний Восток. Можно возразить, что первоначально речь шла о создании еврейского национального очага рядом с арабскими поселениями в Палестине. Еврейское агентство покупало землю за полную цену и без давления. Но деньги получал эффенди, владевший землей, арендаторы, пахавшие ее, получали только благотворительную помощь. Помощи не хватало, арендаторы разорялись. И началась печальная переключка страха и ненависти, ненависти, переходившей в насилие, и страха, создававшего отряды обороны. После погромов 1929 и 1936 гг. план общего государства уступил место плану раздела. Раздел был отвергнут соседними государствами (палестинцев вообще никто не спрашивал), началась война. Вопреки ожиданиям, еврейские отряды самообороны разбили армии Сирии, Ливана и Египта. Арабский легион Глабб-паши не смог помочь им и только удержал свои позиции. Возникла проблема беженцев. Арабские государства, развязавшие войну, отказывались кормить беженцев. Это взяли на себя Англия и США. И снова – как с покупкой земель – судьба расставила ловушку: мирное начинание привело не к добру, а к злу, к созданию лагерей беженцев, как постоянной формы жизни. Это социальное уродство стало школой ненависти, школой террористов.

Существует обычай, что страна, развязавшая войну и потерпевшая поражение, признает его. Греки, вторгшиеся в Малую Азию в 1922 г., были разбиты, и греческое население Анатолии, жившее там примерно 3000 лет, вынуждено было бежать. После второй мировой войны, развязанной Гитлером, миллионы немцев были выселены из регионов к востоку от Одера и из Судет. Прошло полвека, и проблема беженцев потеряла свою остроту. На новых землях выросли новые поколения. Бегство стало для них историей, как для евреев – бегство из Германии XIV в. Палестинцы лишены этой возможности. Арабские страны не дают им прав гражданства. Палестинцы стали новым социальным типом: вечными беженцами.